

Title	Да́дзай Оса́му золото́й ПЕЙЗАЖ
Author(s)	Алина, Тен
Citation	多言語翻訳：太宰治『黄金風景』。2012, p. 26-29
Version Type	VoR
URL	https://hdl.handle.net/11094/32755
rights	
Note	

The University of Osaka Institutional Knowledge Archive : OUKA

<https://ir.library.osaka-u.ac.jp/>

The University of Osaka

Дадзай Осаму

ЗОЛОТОЙ ПЕЙЗАЖ

Тен Алина

У лукоморья дуб зеленый, златая цепь на дубе том... А.С. Пушкин¹

В детстве я не был хорошим ребенком. Я глумился над прислугой. Я не люблю людей медлительных по своей натуре, и поэтому особенно издевался над нерасторопными служанками. Окэй была такой служанкой. Даже чистив яблоко, она, о чем-то думая, дважды или трижды останавливалась, и если каждый раз резко не окликнуть ее, то она так и будет сидеть, ничего не делая, держа в одной руке яблоко, а в другой - нож. Я думал, что-то в ней было не так. Я часто видел ее неподвижно стоящей на кухне без дела. Даже на детское сознание это производило неприятное впечатление и странно раздражало. "Эй, Окэй, дни коротки", - казавшись себе взрослым, я бросался ужасными словами в ее адрес, от которых даже сейчас бегут мурашки по спине. Как будто этого было недостаточно, однажды я подозвал к себе Окэй и заставил ее вырезать ножницами солдатиков по одному из книжки с картинкам, в которой были сотни солдатиков для парада: те, которые ехали на лошадях, держали флаги и несли ружья на плечах. Неумелая Окэй за целый день с утра до вечера без обеда еле-еле успевала вырезать около тридцати солдатиков. Каждый раз, когда она неаккуратно обрезала генералу усы с одной стороны, или руку солдата, держащего ружье, больше напоминавшую медвежью лапу, ей доставалось от меня. В тот летний день Окэй вспотела, и все солдатики размокли от пота на ее руках. Увидев это, я окончательно разозлился и пнул ее. Я был уверен, что ударил ее ногой по плечу, но Окэй, прижав рукой правую щеку, резко упала на пол со слезами. "Меня никогда не били ногами по лицу, даже родители. Я всю жизнь это буду помнить", - прерывисто с хрипом простонала она, отчего мне действительно стало не по

себе. Но все равно я продолжал глумиться над Окэй, словно такова была воля небес. Даже сейчас так случается, когда мне невыносимо терпеть невежественных тупиц.

В позапрошлом году меня прогнали из дома. Однажды ночью, испытывая острую нужду, я бродил по улицам и слезно просил подаяния. В те дни, влача свое жалкое существование, когда у меня только появилась надежда зарабатывать писательством на самостоятельную жизнь, я заболел. По милости людей мне удалось снять маленький домик на лето в городе Фунабаси префектуры Тиба^{II} вблизи моря грязного цвета, где, сам о себе заботясь, я поправлял свое здоровье. Борясь по ночам с сильными приступами испарины, после которых можно было выжимать пижаму, я все равно был вынужден работать. Каждое утро только один стакан холодного молока. Я испытывал радость от того, что удивительно обходился лишь только этим. Моя голова так изнуряюще болела, что мне казалось будто распустившиеся цветы олеандра в углу двора - это внезапно воспламенившиеся факелы.

Это случилось во время проверки посемейной записи^{III}. В передней худощавый полицейский небольшого роста примерно сорока лет внимательно рассматривал меня, попеременно поглядывая то на мое имя в счетной книге, то на лицо изрядно заросшее щетиной. “Ба! Это же вы? Молодой господин из дома ...”. В его речи слышался сильный говор из родных мест. “Да, это я!”, - резко ответил я. “А вы кто?”

Его худощавое лицо наполнилось невыносимой улыбкой. “Ax! Это были вы? Возможно, вы не помните, но примерно двадцать лет назад, я в “К” был извозчиком”.

“К” - это деревня, в которой я родился.

“Как видите, сейчас я разорен”, - перестав улыбаться, ответил я.

“Да, нет, что вы!” С еще большей улыбкой, он добавил: “Если вы пишете рассказы, то это большое достижение в жизни”.

Я натянуто улыбнулся.

“Кстати”, - немного понизив голос, - “Окэй всегда рассказывает о вас”.

“Окэй?” - не сразу понял я.

“Да, Окэй. Забыли, наверное. Она в вашем доме была служанкой”.

И я вспомнил. “Да”, - простонал я невольно. Сидя на корточках на ступеньке, я опустил голову. Я отчетливо вспомнил все зло, причиненное той медлительной служанке двадцать лет назад. Это было почти нестерпимо.

“Она счастлива?” Я отчетливо помню, что вдруг поднял голову и от этого нелепого вопроса на моем лице даже появилась заискивающая улыбка преступника и обвиняемого.

“Да, уже, по-видимому”, - ответив так весело и беззаботно, полицейский протер платком пот со лба. “Ведь ничего страшного, если в следующий раз я приведу ее еще раз выразить нашу благодарность вам”.

Я подскочил от ужаса. “Нет! Не стоит...” Резко отказав ему, я корчился от невыносимого позора.

Но полицейский оставался веселым.

“А дети, знаете... Тот, который работает на этой станции, это наш старший сын. Еще мальчик и две девочки, последней восемь лет, и в этом году она пошла в начальную школу. Уже одной заботой меньше. Окэй тоже намучилась. Не знаю, как сказать, но, человек, который научился манерам, прислуживая в таком большом доме, как ваш, все же отличается чем-то”. Немного покраснев, он рассмеялся. “Все благодаря Вам. Окэй тоже все время о Вас рассказывает. На следующих выходных мы непременно вместе зайдем к Вам”. Вдруг его лицо стало серьезным, - “Ну, извините за беспокойство. Берегите себя”.

Спустя три дня больше обеспокоенный заботами о деньгах, чем мыслями о работе, мне не сиделось дома. Держа в руке бамбуковую трость, я собирался выйти к морю, когда входная дверь с грохотом открылась. На улице трое - отец и мать в летних юката^{IV}, и девочка в красной одежде - выстроились в ряд, как на картинке. Это была семья Окэй.

Даже неожиданно для себя я издал дикий вопль.

“Вы пришли? Сегодня у меня дела и мне надо уходить. Мне очень жаль, но приходите в другой день”.

Передо мной стояла домохозяйка средних лет. Восьмилетняя девочка, очень похожая лицом на служанку Окэй, рассеяно смотрела на меня снизу вверх. Не дав Окэй произнести ни слова, я расстроенный убежал к морю. Бамбуковой тростью я скосил бурьян на побережье. Ни разу не обернувшись назад, я шаг за

шагом грубой походкой, словно топая ногами, решительно шел вдоль берега, направляясь прямиком в город. Что я делал в городе? Без всякого смысла я то разглядывал афиши кинотеатра, то уставившись смотрел в витрины магазина тканей, издавая резкое цоканье языком. В глубине души я слышал тихий голос: “Проиграл, проиграл”. Подумав, что так не должно быть, я резко одернул себя. Побродив, примерно еще тридцать минут, я снова вышел к дому.

Выходя к берегу моря, я остановился. Вот передо мной открылась умиротворяющая картина. Окэй с семьей весело смеются, беззаботно бросая камешки в море. Их голоса доносятся досюда.

“Он весьма, - полицейский изо всех сил бросил камень, - весьма умен, не так ли? Теперь он добьется успеха”.

“Да, это так. Это так”, - это был увереный и звонкий голос Окэй. “Еще с детства он был другим. И даже с прислугой он по-доброму обходился”.

Стоя там, я плакал. Сильное волнение растворилось слезами в приятное чувство.

Я проиграл, и это хорошо. Иначе не могло быть. Ведь их победа озаряет мой новый путь в завтра.

Примечание

^I Первые строки поэмы А.С. Пушкина «Руслан и Людмила» приобрели широкую известность в русской литературе

^{II} Префектура Тиба расположена в регионе Канто на острове Хонсю, Япония

^{III} Посемейная запись включает сведения об имени, возрасте, поле, положении в браке, гражданстве, детях и родственных связях

^{IV} Традиционная японская одежда представляет собой летнее повседневное кимоно без подкладки